

Лейкин Николай Александрович

**На побывке. Роман из быта
питерщиков в деревне**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
На побывке. Роман из быта питерщиков в деревне / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 356 с.

ISBN 978-5-519-92983-7

ISBN 978-5-519-92983-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Подпругиныхъ двое у насъ Никифоръ Ивановичъ—отецъ мой и дядя Наркисъ...

Лошади ужъ остановились у воротъ. Сѣдокъ выѣзжалъ изъ саней и схватился за узелъ. Въ окно избы кто-то стучалъ въ стекло и виднѣлась женская повязанная голова. За ворота вышелъ старикъ съ непокрытой головой, въ жилеткѣ поверхъ рубахи, съ бородой въ просѣдъ, въ валенкахъ.

— Приѣхалъ? Ну, здравствуй... А мы ждали тебя еще къ Покрову. Мать-то ужъ плачетъ,—проговорилъ старикъ, обнялъ молодого человѣка и трижды его поцѣловалъ.

— Да я и ладилъ къ Покрову, батюшка и писалъ вамъ, да хозяинъ не отпустилъ,—отвѣчалъ тотъ.—И такъ двое слугъ изъ заведенія были въ деревнѣ. А вотъ одинъ вернулся—ну, я и поѣхалъ.

Возница, старикъ и молодой человѣкъ взяли изъ саней поклажу и потащили ее въ избу.

На порогъ избы пожилая женщина съ темнымъ морщинистымъ лицомъ и въ сѣхавшемъ на затылокъ темномъ платкѣ бросилась къ молодому человѣку на шею и заплакала, начавъ причитать:

— Голубчикъ ты мой, бѣлый, сыночекъ ты мой родимый... Вотъ, наконецъ, привелъ Господь...

— Тише, маменька... Здѣсь въ ящикѣ посуды...—проговорилъ сынъ, и ему невольно пришлось выпустить изъ рукъ подушку и ящикъ.

— Входи въ избу-то, входи... Что на порогѣ стали!—сказалъ имъ старикъ, вносившій чемоданъ.

Возница отряхалъ на рогожѣ валенки отъ снѣга и бормоталъ старику:

— А ужъ за сына поднеси... Безъ этого не уйду, Никифоръ Иванычъ... Я сына тебѣ привезу.

Старикъ промолчалъ и сказалъ сыну:

— Отписалъ-бы основательно, когда пріѣдешь, то я на своихъ-бы выѣхалъ за тобой на станцію-то. Зря лошади стоятъ.

— Да вѣдь какъ тутъ отписать-то. Отписать—такъ надо правильно. А я тутъ совсѣмъ было ужъ собрался, а у насъ въ трактирѣ обѣдъ купцы затѣяли. Хозинъ проситъ: „останься послужить на обѣдъ-то“... Ну, вотъ еще день.

— Флегонтъ!.. Питерскій... Какъ бишь тебѣ по отчеству-то? Безъ стаканчика не уйду,—приставалъ возница.

— Да брось, дядя... Дадутъ тебѣ, дадутъ... Неужто изъ-за стаканчика-то?..

— Свѣтикъ мой! Да дай тебя обнять еще разъ!—воскликнула мать и опять обхватила сына за шею.

Въ избѣ около стола стояла дѣвочка-подростокъ въ валенкахъ и ситцевомъ платьѣ, съ косой, обернутой вокругъ головы, и ковыряла у себя въ носу.

— Здравствуй, Грушка...—проговорилъ молодой человѣкъ.

— Здравствуй, братецъ...—еле слышно промурлыкала она и поспѣшно чмокнула брата.

— А гдѣ же Таня?

— Къ коровѣ, должно быть, пошла. Сейчасъ придетъ—отвѣчала мать.—Да вотъ она.

Въ дверяхъ стояла дѣвушка постарше, лѣтъ семнадцати, хорошенькая, чернобровая, въ ситцевомъ на заячьемъ мѣху шугаѣ въ накидку.

— Здравствуйте, братецъ... Съ пріѣздомъ...—

заговорила она и также наскоро чмокнула брата, какъ-бы клюнула его или куснула.

— Смотрите, дуры, Флегонтъ-то какой у насъ статный да красивый сталъ!—указывала мать дочерямъ.—Только изъ подъ ручки и смотрѣть на него.

Дочери молчали. Грушка крутила кончикъ своей кофточки.

— Ставь, Татьяна, самоваръ. Съ дороги Флегонта чаемъ попить надо,—сказалъ отецъ старшей дочери.

— Какъ чаемъ!—воскликнула мать.—Перво на перво ему съ дороги похлебать надо. У меня въ печкѣ щи есть... Трески можно. Отвыкъ ты только, Флегуша, голубчикъ, я думаю, отъ деревенской-то ѣды въ Питерѣ, ну да все-таки отцовское, родное...

— Не извольте беспокоиться, маменька. Я часа два тому назадъ повѣлъ ужъ на станціи,—отвѣчалъ сынъ.—Антрекотъ съ картофелемъ мертдотель съѣлъ, а вотъ самоварчикъ, чтобы губы побаловать—это въ лучшемъ видѣ... За чаемъ я даже самъ васъ питерскими закусками угощать буду. Есть у меня даже бутылочка крапивинской рябиновки для папашеньки.

— Возница все еще тоштался у входа на рождѣ.

— Земляка-то не забудьте, господа хозяева,—напоминалъ онъ о себѣ.—Дайте поздравить съ пріѣздомъ. Вѣдь всего только тридцать верстъ мы отъ васъ... изъ Ватрушкина.

— Поднесемъ, поднесемъ... Дай только раз-

дѣться,—отвѣчалъ Флегонтъ и сталъ снимать съ себя резиновые калоши, пальто.

Онъ очутился въ пиджакѣ, надѣтомъ поверхъ вязаной фуфайки, и въ брюкахъ на выпускъ.

— Маменька, да нѣтъ-ли у васъ въ божницѣ про земляка то стаканчика, такъ поднесите ему.

— Есть, есть... Какъ не быть... Всегда держимъ. У меня вотъ въ рукѣ ломата, такъ я виномъ натираю на ночь...—засуетилась мать и бросилась въ передній уголъ.

Флегонтъ разсчитался съ возницей за ѣзду. Возницѣ поднесли стаканчикъ. Онъ выпилъ, сплюнулъ длинной слюной на рогожу и пробормоталъ:

— Пивка-бы теперь важно...

— Ну, ужъ на счетъ пива не прогнѣвайся. Нѣтъ такого у насъ...—отвѣчалъ старикъ Никифоръ Ивановъ.—Ужъ не обезсудь.

— Знаю, что нѣтъ, да вѣдь молодецъ-то, чай, послать можетъ. Я съѣзжу...

— Ну, вотъ еще выдумалъ! Пьянственную компанію намъ здѣсь заводить для тебя, что-ли!—прибавилъ Флегонтъ.—Мы сами люди не пьющіе. А тебѣ поднесли и будетъ съ тебя.

— Не по-питерски угощаешь—вотъ что, землякъ. Я думалъ, на радостяхъ всласть попотчуете. Ну, прощенья просимъ. Счастливо оставаться.

Возница поклонился и вышелъ изъ избы.

II.

ТАТЬЯНА ставила самоваръ у печки. Мать, не взирая на отказъ сына отъ ѣды, всетаки взяла ухватъ и полѣзла въ печь за корчагой со щами.

— Да не надо, маменька, мнѣ шей. Не хочу я ѣсть.— снова остановилъ ее сынъ.— Вѣдь вы ужъ отхлебали, а я сытъ. Такъ малость вотъ закусимъ закусочками за чаемъ, а потомъ въ свое время ужъ я съ вами въ охотку ужинать буду.

— Да вѣдь съ холодка-то тепленькаго пріятно, вотъ я изъ-за чего хотѣла,— сказала мать и неохотно поставила ухватъ въ уголь.

Сынъ развязывалъ на чумоданѣ веревку. Мать подошла къ нему и заговорила:

— Да присядь ты, миленькій... Присядь на лавочку... Дай на тебя матери-то полюбоваться.

— Хорошо, извольте, если вамъ такъ ужъ требуется, а я прежде всего хотѣлъ подарочками вамъ поклониться,—отвѣчалъ сынъ, отошелъ, отъ чемодана и сѣлъ.

— Голубчикъ! Паренекъ мой красный!—вырвалось у матери, и она не могла удержаться, чтобы не подойти къ нему и не поцѣловать.

Сынъ озиралъ избу, смотрѣлъ на стѣны, на потолокъ и проговорилъ:

— А хорошо и приглядно у васъ теперь въ избѣ, батюшка... Ладно, что я вамъ въ прошломъ году манерчатыхъ обоевъ прислалъ. Вотъ теперь го-

ренка у васъ на городской манеръ, съ обоями и потолкомъ, какъ слѣдуетъ быть, подклеенъ.

— Приглядно-то, приглядно, милый, да ужъ очень много таракановъ за обои набралось,—отвѣчала мать:—а опшаривать теперь нельзя... Обои испортишь.

— Персидскимъ порошкомъ можно, бурой. У насъ въ заведеніи на кухнѣ поваръ все бурой... Катышки изъ тѣста съ бурой накатаетъ, положить въ щелки, тараканы наѣдятся и всеѣ подохнутъ. Бура навѣрно есть въ здѣшней лавочкѣ. А сегодня я еще привезъ вамъ украшеніе для комнаты. Это ужъ сестренкамъ Грушѣ и Танюшкѣ въ подарокъ. Зеркальце-съ въ русскомъ вкусѣ. Вотъ-съ...

Флегонтъ развязалъ узелъ и вынулъ оттуда завернутое въ бѣлье и платѣ зеркало вершковъ въ двѣнадцать длины въ лакированной рамкѣ съ рѣзбой изображающей дерущихся пѣтуховъ.

— Его можно повѣсить вотъ въ этой горенкѣ, что рядомъ,—продолжалъ Флегонтъ:—тамъ, гдѣ вы спите съ Танюшкой и Грушей. Танюшка и Груша пусть полотенце, ручничекъ хорошенькій цвѣтной бумагой въ узоръ вышьютъ. Его сверху на зеркало повѣсить—и будетъ у насъ зеркало на питерскій манеръ. Теперь въ Питерѣ зеркала съ полотенцами въ модѣ. Сестрицы получайте.

— Спасибо вамъ, братецъ,—проговорила сестра Татьяна, принимая зеркало.—А что до узорчатыхъ полотенецъ, то и вышивать не надо... У насъ отличныя есть.

— Какъ-же, какъ-же... Онѣ вѣдь рукодѣльницы,—поддакнула мать.—Сложато руки тоже си-

дѣтъ не позволяю. Ну, вотъ, дуры, у васъ теперь большое зеркало. Можете всласть любоваться на себя,—обратилась она къ дочерямъ и тутъ-же прибала:—Махонькія-то зеркальца у нихъ есть, купили онѣ себѣ у проѣзжаго торговца на грибныя деньги. Такія въ жестяной оправѣ у нихъ зеркальца... хорошенькія и ничего, лицо не кривятъ.

— А это-то, маменька, зеркало первый сортъ-съ.

— Спасибо, спасибо... Нынче онѣ умныя... Каждая изъ нихъ на полтора рубля сушеныхъ грибовъ продала. Сами собрали, высушили и продали.

Сынъ раскрылъ чемоданъ, вынулъ оттуда завернутый въ желтую бумагу пакетъ и сказалъ:

— А это вамъ маменька, на платье... Шерстяной матеріи темненькой купилъ. Носите и радуйтесь.

— Спасибо, спасибо милый. Поди, я тебя поцѣлую.. —сказала мать, развернула пакетъ и воскликнула:—Батюшки, матерія-то какая аховая!

— А это вамъ, батюшка, на жилетку. Вотъ тутъ и пуговицы особенныя въ бумажкѣ...—подалъ сынъ такой-же пакетъ отцу.

На отца подарокъ, однако, произвелъ совсѣмъ другое дѣйствіе, чѣмъ на мать. Онъ развернулъ матерію, посмотрѣлъ на нее и проговорилъ:

— Ну, отцу-то могъ-бы и на спинжакъ съ жилеткой привести.

Сынъ сконфузился.

— Это точно-съ... Это дѣйствительно, папашенька, кабы я въ январѣ на подати вамъ пятнадцать рублей не послалъ. А такъ какъ я подати, то ужъ извините...

— Извините... Дочерямъ-то вонъ, небось, цѣлое зеркало привезъ. А нешто оно столько стоитъ, что жилетка! Эхъ, ты! Сестеръ на отца промѣнялъ!

— Папашенька, извините! Если я насчетъ зеркала, то это вѣдь больше для украшенія дома, а потому я такъ считаю, что тутъ для всей семьи.

— Очень намъ нужно украшеніе дома! А у отца спинжакъ на локтяхъ скоро прорвется.

— А я, батюшка, очень ужъ домъ нашъ люблю и хочется мнѣ, чтобъ онъ на питерскій манеръ... Впрочемъ, позвольте вамъ еще платочкомъ поклониться для утиранія носа... Пожалуйте.

— Платокъ что! Такой платокъ и здѣсь у проѣзжаго торговца за двугривенный купишь.

— Здѣсь, папашенька, нужно разсуждать такъ: мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь.

— Брось! что ты меня учишь-то!

Отецъ отвернулся отъ сына. Сынъ продолжалъ рыться въ вещахъ.

— А вотъ еще вещи для дому. Вотъ, батюшка, позвольте вамъ тоже въ подарокъ обратить. Первое—лампа подъ стекляннымъ молочнымъ абажуромъ, а второе—градусникъ за окно.

— Ну, на кой шутъ мнѣ твой градусникъ!—сказалъ отецъ.

— Морозъ узнавать-съ... Сколько мороза... Какъ въ петербургскихъ квартирахъ. Часы есть, такъ нужно, чтобъ и градусникъ былъ. Очень ужъ я люблю, папашенька, чтобъ квартирка на питерскій манеръ... А лампа—первый сортъ, любовался на лампу Флегонтъ, поставивъ ее на столъ.

— Сколько она керосину-то сожретъ!—произнесъ отецъ.

— По праздникамъ можно зажигать, когда гости. Флегонтъ опять полѣзъ въ чемоданъ.

— Таня, Груша! идите сюда! Вотъ это вамъ еще по ситчику на платье...

Онъ подаль сестрамъ по пакету. Отецъ опять позавидоваль.

— Видишь, видишь... Имъ зеркало и опять-же по платью,—пробормоталъ онъ.

— Позвольте-съ... Вѣдь еще не кончилъ я. Вотъ и вамъ ситчику на рубашку.

— Ну, спасибо.

Отецъ нѣсколько просіялъ. Сынъ продолжалъ:

— А теперь вамъ, матушка, по хозяйству. Прежде всего позвольте поклониться фунтикомъ чаю, фунтикомъ кофею и сахаркомъ... Сахаръ у меня, маменька, въ миткалевомъ мѣшочкѣ... Этотъ сахаръ, маменька, не покупной... Этотъ сахаръ я послѣ гостей въ нашемъ заведеніи за три года насбиралъ. Гостямъ чай подаешь... что останется послѣ гостей—въ мѣшочекъ. Служу я въ ресторанѣ, заведеніе у насъ чистое, къ чаю подаемъ сахару много—вотъ и накопилъ. Фунтовъ двѣнадцать тутъ будетъ.

Флегонтъ встряхнулъ мѣшокъ. Отецъ улыбнулся.

— Вишь, гости какіе! Это питерскіе, оттого. А я, когда въ Москвѣ въ заведеніи служилъ, такъ у насъ тамъ насчетъ сахару слуга ужъ не пообѣдалъ-бы,—сказалъ отецъ.—Какъ у гостя кусокъ сахару послѣ чая останется—сейчасъ онъ его въ карманъ и говоритъ: „лошади“.

— Это, папенька, купецъ изъ простыхъ. А у насъ купецъ полированный. Нашъ купецъ, что къ намъ въ ресторанъ ходитъ, то-же, какъ и баринъ, остатки сахара съ собой не возьметъ, потому ему совѣстно. Ну-съ, а затѣмъ вамъ маменька... Колоду картъ пожалуйста для гаданья... Карты чистыя...

— Спасибо, Флегонтъ, спасибо.

— Не за что, маменька. А это ужъ всѣмъ вкупѣ для угощенія. Во-первыхъ, пятокъ лимоновъ пожалуйста. Затѣмъ, копченаго сижка на закуску... Икорки паюсной... Это для васъ, батюшка, въ особенности... Вотъ и бутылочка рябиновой... Сыръ... Колбаса итальянская...

И Флегонтъ одинъ за другимъ выложилъ на столъ нѣсколько свертковъ въ бумагѣ.

Татьяна подала на столъ самоваръ и мать принялась заваривать чай.

III.

МАМЕНЬКА, тарелочки для закусокъ позвольте,—сказалъ Флегонтъ, развертывая свертки, полѣзъ въ карманъ, вытащилъ оттуда штопоръ и ловкимъ привычнымъ движеніемъ трактирнаго слуги откупорилъ бутылку рябиновой.—Рюмки, Таня, давай рюмки!—крикнулъ онъ сестрѣ и, обратясь къ отцу, прибавилъ:—Батюшка, пожалуйста по рюмочкѣ... А потомъ вотъ сижкомъ и